

Коля Древний

Самиздат

Ссвюзкатиасстения восприиа зозаврла лива
салапатнаагмиоля влворкстоплатева
паригяя паселннсии пидарипативо гарриу
ваогарауи.

СКВ 01 втитиниоатийнянке пасиболниав зобвиасеник
кота сииа полрзпасатрвяькаи гобэрия вкзобблаченик
паплицхеннъ вэ иетсеепегос тоерора в в петропимоптык
опэтиденыйиини родинтсерочцото об тоаи.

СКВ 01 дгтериакмниншнии грзновиззакки опцрактот-
созвиеннени воиарепракоцосте, излиная рзобиеннии
иосвхщиии талнименненнцувшии викинатсгопоция
ни рзхщии граоголаненнии согазиоиннии кспзвеникки
ноовлогооего дотггарадори, вазрлогвои пццттовандв.

Переломный 1926 год
или как 100 лет назад
была разгромлена
старая ленинская
гвардия

Коля Древний

**Переломный 1926 год или как
100 лет назад была разгромлена
старая ленинская гвардия**

«Автор»

2026

Древний К.

Переломный 1926 год или как 100 лет назад была разгромлена старая ленинская гвардия / К. Древний — «Автор», 2026

Книга, посвящена событиям столетней давности, когда была разгромлена старая ленинская гвардия. Она помогает современному читателю понять, как внутрипартийные дискуссии стали предвестниками будущих разоблачений и обвинений на публичных процессах в годы Большого террора, как нетерпимость к оппозиционным платформам внутри самой ВКП(б) неизбежно обернулась нетерпимостью к любому инакомыслию в масштабах всей страны, как диктатура пролетариата, а на самом деле одной политической партии -ВКП (б) превратилась в диктатуру Политбюро, а затем в диктатуру т. Сталина, почему Сталину удалось сделать то, что не смогли политические противники большевиков и почему "грубиян" Сталин победил блестящих интеллектуалов: Троцкого, Зиновьева, Каменева и Бухарина и как большевик Коба, стал "Великим вождем всего советского народа Иосифом Виссарионовичем Сталиным". История это незастывшая конструкция это живой организм. Надо только бережно относиться к нему и тогда История сама заговорит с вами.

© Древний К., 2026

© Автор, 2026

Коля Древний

Переломный 1926 год или как 100 лет назад была разгромлена старая ленинская гвардия

Глава 1

Введение

В истории Советского Союза есть даты, которые стали символами великих свершений, и есть даты, ставшие символами великих трагедий и перелома в судьбе страны. Таким годом стал **1926-й**. Сто лет назад, в условиях экономической разрухи, военной слабости и международной изоляции, в высших эшелонах власти разгорелась последняя битва за наследие Ленина. Это была не просто борьба за власть между амбициозными лидерами. Это был спор о будущем России: идти ли по пути «мировой революции», как предлагала старая гвардия, или сосредоточиться на строительстве «социализма в одной стране», как настаивал Иосиф Сталин. Эта книга — хроника того, как аппаратная интрига победила революционную романтику, как прагматизм взял верх над идеологией и почему поражение оппозиции в 1926 году открыло дорогу к диктатуре и Большому террору.

**« А если
в партию
сгрудились малые —
сдайся, враг,
замри и ляг!**

**Партия —
рука миллионопалая,
сжатая в один
громящий кулак».**

.

В. Маяковский, поэма «Владимир Ильич Ленин» (1924)

Глава 1. СССР на изломе: Страна, армия и экономика в 1926 году

Подглава 1. СССР на изломе: Страна, армия и экономика в 1926 году

Раздел 1. «Ножницы цен»: Экономический тупик НЭПа

К 1926 году Советский Союз напоминал больного, который едва оправился от тифа, но всё ещё страдает от слабости и анемии. Новая экономическая политика (НЭП) выполнила свою главную задачу: она остановила голод, восстановила разрушенное сельское хозяйство и вернула в города жизнь. Но платой за это восстановление стала глубокая структурная болезнь, которую в партийных кругах называли «кризисом ножниц».

Суть проблемы была проста и убийственна для экономики. Цены на промышленные товары, производимые в городах, росли опережающими темпами, в то время как закупочные

цены на зерно и сырьё, поставляемые крестьянами, искусственно удерживались на низком уровне.

Как это выглядело на практике?

Представьте себе крестьянина в 1926 году. Он собрал урожай и везёт зерно на государственный элеватор или кооперацию. Там ему платят твёрдую цену, которая едва покрывает его расходы. Чтобы купить в городе плуг, косу, керосин или даже простую мануфактуру, ему приходится отдавать в два, а то и в три раза больше зерна, чем до революции. Крестьянин чувствовал себя обманутым: он работал, но его труд обесценивался.

Это явление имело два разрушительных последствия:

«**Крестьянский занавес**». Крестьяне начали придерживать хлеб. Зачем продавать его государству по дешёвке, если можно подождать до весны, когда цены вырастут, или скормить скоту? Это приводило к регулярным **хлебозаготовительным кризисам**. В городах начинался дефицит муки, а вслед за ним росло недовольство рабочих.

Удар по индустриализации. Государство, закупая хлеб дёшево и продавая хлебопродукты в города по твёрдым ценам (чтобы рабочие не голодали), получало убытки. Эти убытки покрывались за счёт промышленности. Заводы и фабрики лишались оборотных средств, не могли закупать новое оборудование и расширяться. Индустриализация буксовала.

Оппозиция во главе с Троцким и Преображенским предлагала решение: «первоначальное социалистическое накопление». Проще говоря — **выкачать средства из деревни силой**, установив высокие цены на промтовары. Но это был путь к гражданской войне. Крестьянин, только что переживший продразвёрстку, не стал бы мириться с новым грабежом.

Сталин и Бухарин, критикуя оппозицию, предлагали иной путь — постепенное, рыночное сближение цен («смычка города и деревни»). Но на практике государство не могло отпустить цены: это грозило инфляцией и бунтом в городах. Экономика оказалась в порочном круге: чтобы накормить город, нужно было держать низкие цены на хлеб, но низкие цены на хлеб убивали стимул его производить.

К 1926 году «ножницы» раскрылись максимально широко. Страна стояла перед выбором: либо сворачивать НЭП и возвращаться к чрезвычайным мерам (что предлагала оппозиция), либо искать третий путь — насильственную коллективизацию и форсированную индустриализацию за счёт деревни (что в итоге выбрал Сталин). Но ни один из этих путей не был мирным и безболезненным.

Цифры, которые убивали смычку города и деревни

В 1913 году, чтобы купить плуг, крестьянину требовалось продать около 20 пудов зерна. К 1923 году эта цифра выросла до 100 пудов. А к 1926–1927 годам «ножницы» раскрылись максимально широко: для покупки того же плуга нужно было отдать уже **150–200 пудов зерна**. В некоторых промышленных центрах (например, в Иваново-Вознесенске) индекс цен на промтовары был в **3–4 раза выше** индекса цен на сельскохозяйственную продукцию.

Бюджет рабочего и крестьянина в 1926 году

Чтобы понять масштаб трагедии, взглянем на сухие цифры доходов и расходов:

Зарплата рабочего. Средний заработок промышленного рабочего в городах (Москве, Ленинграде) составлял около **40–50 рублей** в месяц.

Доход крестьянина. Крестьянское хозяйство имело денежный доход около **60–70 рублей в год**, то есть **5–6 рублей в месяц**.

Что можно было купить на эти деньги? (Цены в городах)

Пара сапог — **15–20 рублей** (почти половина месячной зарплаты рабочего!).

Аршин ситца — **0,7–1 рубль**.

Керосин — **0,15 рубля за литр**.

Буханка чёрного хлеба — **0,05–0,1 рубля**.

Фунт мяса — **0,5–0,7 рубля**.

Вывод был очевиден: крестьянин не хотел продавать хлеб за бесценок («за бумажки»), на которые всё равно ничего нельзя было купить. Город оставался голодным, а заводы — без средств к развитию.

1.2. «Ни армии, ни тыла»: Доклад Тухачевского и военная тревога

Если экономика страны страдала от «ножниц цен», то обороноспособность СССР в 1926 году находилась в состоянии клинической смерти. Это был самый охраняемый секрет государства. На бумаге Красная Армия существовала, но в реальности воевать она не могла.

Масштаб сокращения После окончания Гражданской войны страна, измученная войной, начала стремительную демобилизацию. Если в 1920 году численность РККА достигала **5,5 миллионов человек**, то к 1925–1926 годам она была сокращена до **560–600 тысяч**. Это был необходимый шаг для экономии бюджета, но он превратил армию из боевой силы в «кадрированную» структуру, неспособную к быстрой мобилизации без потери управления.

Кто командовал? Уровень командных кадров Кадровая проблема стояла острее всего. В армии наблюдался колоссальный некомплект командного состава. На одного командира роты приходилось по 2–3 должности. Зарплата командира роты (около 40–50 рублей) была зачастую ниже зарплаты квалифицированного рабочего на заводе. Это приводило к двум последствиям:

Уход лучших. Талантливые «военспецы» и командиры из рабочих уходили на гражданку, где платили больше и не было казарменной муштры.

Падение качества. На командные должности часто попадали люди без должного образования. Тухачевский в своём докладе прямо писал: *«Инициатива — крайне редкое явление»* среди командиров. Они боялись принимать решения и действовали строго по уставу или карте, теряясь при изменении обстановки.

Техническая оснащённость и катастрофа с боеприпасами Здесь цифры говорят сами за себе. К 1926 году Красная Армия представляла собой огромную массу пехоты с крайне слабой огневой поддержкой и полным отсутствием современных родов войск.

Танки: СССР имел всего **159 танков и броневых автомобилей** на всю страну. Для сравнения: Польша к тому времени имела несколько сотен танков, закупленных во Франции.

Авиация: В строю находилось **694 самолёта**. Большинство из них были устаревшими моделями времён Первой мировой войны.

Артиллерия: Основной парк орудий также состоял из старых систем.

Но самым слабым местом был не металл, а порох. Состояние мобилизационных запасов боеприпасов было катастрофическим. По данным, которые легли в основу докладов для ЦК ВКП(б), обеспеченность армии выглядела следующим образом:

Снаряды: Запас обеспечивал ведение боевых действий лишь на **20%** от установленных норм военного времени.

Патроны: Ситуация была ещё хуже — запас винтовочных патронов составлял всего **8%** от необходимого минимума.

Это означало, что в случае начала полномасштабной войны Красная Армия расстреляла бы свой боекомплект за считанные дни, после чего осталась бы с винтовками против танков и пулемётов противника.

Главный вывод доклада Тухачевского

Начальник Штаба РККА Михаил Тухачевский в феврале 1926 года представил доклад «Оборона Союза Советских Социалистических Республик». Его выводы были неутешительны:

«В случае благоприятного для блока [вероятных противников] развития боевых действий первого периода войны, его силы могут значительно вырасти, что в связи с «западноевропейским тылом» может создать для нас непреодолимую угрозу».

Простыми словами: если Польша (при поддержке Румынии и, возможно, Франции) нанесёт удар, Красная Армия проиграет приграничное сражение и будет вынуждена отступать

вглубь страны. У СССР просто не было ресурсов (ни техники, ни обученных резервов, ни снарядов), чтобы остановить вторжение.

Итог

В 1926 году воевать РККА было нечем и некем. Идея «экспорта революции» на штыках Красной Армии была чистой воды **фантазией**. Страна была слаба как никогда со времён Гражданской войны.

1.3. «Крестьянский занавес» и социальная усталость

В обществе господствовали пораженческие настроения.

Раздел 3. «Вниз по лестнице, ведущей вверх»: Социологическая карта страны

К середине 1920-х годов Советская Россия представляла собой кипящий котел социальных противоречий. Революция, Гражданская война и НЭП создали совершенно новую социальную структуру, в которой старые и новые конфликты переплетались самым причудливым образом. Поддержка советской власти была крайне неравномерной и хрупкой.

Рабочий класс: От авангарда к «обиженному сословию» Пролетариат, считавшийся опорой режима, к 1926 году был далек от монолитного единства.

Квалифицированные рабочие («Рабочая аристократия»): Те, кто пережил войну и сохранил навыки, чувствовали себя неплохо. Их зарплата росла, они были востребованы.

Неквалифицированные и пришлые: Огромный приток крестьян в города создал переизбыток дешевой рабочей силы. Безработица среди них была колоссальной. Они жили в бараках, голодали и видели, как «нэпманы» (частники) ездят на извозчиках и пьют кофе в кафе.

Недовольство: Главным лозунгом рабочих был не «Долой советскую власть!», а «За рабочую демократию!». Они были недовольны бюрократизацией профсоюзов, которые перестали защищать их интересы, и тем, что их заставляют повышать производительность труда («давить норму») без адекватного роста зарплаты.

Крестьянство: Большинство, которое молчало (пока) Крестьяне составляли более 80% населения. Их отношение к власти было прагматичным и настороженным.

Середняки: Самая массовая группа. Они получили землю и в целом были довольны. Но политика низких закупочных цен на хлеб вызвала глухое раздражение. Они не хотели больше революций, они хотели спокойно работать и торговать.

Бедняки: Традиционная опора большевиков в деревне. Однако НЭП укрепил кулаков, и бедняки чувствовали себя забытыми.

Кулаки: Зажиточные крестьяне. Они богатели на торговле, но были под постоянным прессом налогов и идеологической ненависти со стороны власти.

НЭП возродил социальное неравенство в его самых грубых формах. Пропасть между богатыми и бедными стала видна невооруженным глазом.

Зарплаты: В 1925–1926 годах зарплата ответственного партийного работника или директора треста могла достигать **200–300 рублей**, в то время как средняя зарплата рабочего составляла **40–50 рублей**, а чернорабочего — **25–30 рублей**.

Потребление: В то время как рабочие стояли в очередях за хлебом по карточкам или за дорогим хлебом в коммерческих магазинах, «нэпманы» демонстративно сорили деньгами в ресторанах и частных лавках. Это порождало острую социальную ненависть.

Антисемитизм: В условиях, когда частная торговля была разрешена, а государственная — дезорганизована, многие предприниматели были евреями (традиционно вовлеченными в торговлю в черте оседлости). Успех «нэпмана» в глазах обывателя часто ассоциировался с еврейским происхождением, что власти использовали для канализации социального недовольства.

Промышленность: Руины вместо заводов

Утверждение, что промышленность восстанавливалась, было во многом пропагандистским штампом. Реальность была куда печальнее.

Доля неработающих предприятий: К 1926 году значительная часть дореволюционных заводов так и не была восстановлена. По разным оценкам, до **40%** промышленных предприятий (особенно в легкой и обрабатывающей промышленности) стояли законсервированными или работали на минимальной мощности из-за отсутствия сырья, топлива и оборотных средств.

Сырьевая зависимость: Страна оставалась преимущественно аграрной. Доля СССР в мировом товарообороте упала с **4,2%** в 1913 году до менее **1%** к 1926 году. Мы продавали зерно и лес, чтобы купить станки, но зерна не хватало даже для внутреннего потребления.

Городская среда: НЭПманы и интеллигенция

«Нэпманы»: Новая буржуазия. Они были живым воплощением социального неравенства. Для рабочего или демобилизованного красноармейца, не имеющего работы, нэпман в дорогом пальто был врагом номер один. Это порождало **антисемитские настроения**, так как среди предпринимателей было много евреев (что активно использовалось в пропаганде).

Интеллигенция: Разношерстная группа. Часть бывших дворян («спецслужашие») пошла на сотрудничество с властью ради пайка и работы. Другая часть («бывших») жила в страхе и ожидании возврата к старому.

Общий фон: Пораженчество и усталость

В обществе господствовали пораженческие настроения. Это не означало желания вернуть царя. Это была усталость от постоянного напряжения и страха перед завтрашним днем. Идеалы революции потускнели. Люди хотели не «мирового пожара», а стабильности, сытости и порядка. В этой атмосфере любые радикальные призывы — будь то сталинское «закручивание гаек» или троцкистский «перманентный натиск» — воспринимались с опаской.

Вывод:

Власть большевиков в 1926 году держалась не на энтузиазме масс, а на инерции страха и отсутствии реальной альтернативы. Но социальная база режима была крайне узкой. Оппозиция пыталась апеллировать к рабочим («Вернем рабочую демократию!»), но рабочие хотели хлеба, а не новых дискуссий. Сталин же предлагал (пока лишь на словах) стабильность и порядок.

Рабочий класс был недоволен бюрократизацией парткомов, профсоюзов и низким уровнем жизни.

Крестьянство было недовольно низкими ценами на хлеб.

В городах росло социальное расслоение: нэпманы демонстративно богатели на фоне очередей за хлебом.

Раздел 4. «Кольцо врагов»: Международная изоляция и Рапалльский мир

К 1926 году Советская Россия оставалась государством-изгоем для ведущих западных демократий. Несмотря на то, что ведущие страны (Великобритания, Франция, Италия) к середине 1920-х де-факто признали СССР и установили торговые отношения, политического доверия не было. Западный капитал рассматривал Советскую власть как временного, нестабильного партнёра, а не как равного.

Рапалльский договор: Осколки бывшего союза

Единственным по-настоящему надёжным союзником СССР на Западе оставалась Германия. Отношения двух «парий» Европы были скреплены **Рапалльским договором от 16 апреля 1922 года**.

Суть договора: Стороны взаимно отказывались от всех претензий (включая военные репарации), восстанавливали дипломатические отношения и начинали тесное экономическое сотрудничество.

Секретная сторона: Для СССР и Германии это был не просто торговый договор. В обход Версальских ограничений Германия тайно размещала на советской территории военные производства и учебные центры (например, лётную школу в Липецке и танковую школу под Казанью). Здесь готовились кадры и техника для будущего возрождения германской армии.

Почему Берлин стал отдаляться?

Однако к 1926 году этот союз начал давать трещину. И дело было не только в деньгах (план Дауэса сулил Германии западные кредиты).

Ключевым фактором стал **страх германской элиты перед Коминтерном**. В правительстве Веймарской республики (особенно в МИДе, где тон задавал Густав Штресеман) росло убеждение, что Москва использует Рапалльские связи не только для взаимовыгодного сотрудничества, но и как плацдарм для экспорта революции.

Немецкие дипломаты опасались, что агенты Коминтерна и советские субсидии дестабилизируют политическую обстановку в Германии, провоцируя коммунистические восстания. Чтобы доказать Западу (Франции и США) свою благонадёжность и получить доступ к рынкам капитала, Германия была вынуждена продемонстрировать разрыв с подрывной деятельностью СССР. Интеграция в западный мир стала для Берлина важнее военного сотрудничества с Москвой.

Вывод по главе

К 1926 году Советский Союз представлял собой уникальное сочетание факторов:

Внутренняя слабость: Разрушенная экономика («ножницы цен»), социальная напряжённость и аграрный характер страны.

Военная немота: Армия, неспособная вести современную войну из-за нехватки техники, кадров и, главное, боеприпасов (обеспеченность патронами — **8%**, снарядами — **20%**).

Внешняя изоляция: Страна находилась во «враждебном капиталистическом окружении», где даже единственный союзник (Германия) начал постепенно отдаляться.

К середине 20-х годов коммунистические партии в Европе были либо разгромлены, либо перешли к работе в качестве легальной оппозиции.

В этих условиях любые разговоры о «мировой революции» или «экспорте социализма» были не просто утопией, а опасной авантюрой, способной погубить «первое в мире социалистическое государство рабочих и крестьян».